

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ / www.rusfond.ru

Договор чести

Александр Григорьев

генеральный директор «Ингосстраха»

Компания «Ингосстрах» и Российский фонд помощи (РФП) подписали договор о сотрудничестве, третий по счету. В компании их окрестили договорами чести. Это из-за того, что между сторонами нет денег, а есть обязательства помогать попавшим в беду людям. РФП публикует просьбы сограждан, а компания выделяет под эти просьбы \$138 тыс. в год, по \$11,5 тыс. в месяц. \$276 тыс. «Ингосстраха» в предыдущие два года фонд так удачно «разместил» на своих страницах в „Ъ“, что привлек к благотворительной деятельности новые тысячи читателей и пожертвования на \$1,3 млн. Эти фокусы фонда и личное отношение к филантропии АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВ прокомментировал руководителю РФП ЛЬВУ АМБИНДЕРУ после подписания договора № 3.

ОСАО «Ингосстрах» работает на международном и внутреннем рынках с 1947 года. Это один из крупнейших страховщиков России по объему собственного капитала, активов, балансовой прибыли, сумм страховых резервов и инвестиций. В 2005 году компания потратила на благотворительность \$500 тыс. В этом году ее благотворительный бюджет увеличился, пожертвования по программе РФП сохраняются на уровне \$138 тыс. в год. Александр Григорьев работает генеральным директором компании с апреля 2005 года. До этого занимал руководящие посты в ряде крупных отечественных банков.

— Александр Валерьевич, как вам наши совместные дары? Напомним суть. Закрывая два года назад первый договор с компанией, мы предполагали с ее помощью расширить круг желающих спасти тяжелобольных детей. Большинство же людей хотят этого. Но обычно человек боится остаться в дураках, потому что не верит фондам. И потом, что такое твои \$100, когда цена спасения той же Дашки Клоковой \$86 тыс. (о Даше см. на этой же странице.— „Ъ“)?! А вот если такая солидная компания вложится, понизив цену на \$11,5 тыс., то может, ты почувствуешь, что не одиноко со своей сотней и она тоже способна спасти. И что тебя, может, поддержат и тяжеловесы вроде «Ингосстраха». У нас все получилось, в итоге спасены десятки тяжелобольных детей. — Мне нравится ваша организация дела и ваши подходы к проверкам просьб, к отчетности. Но я не все принимаю у вас. Например, когда среди десятка просьб в „Ъ“ встречаю такую: болезнь прогрессирует, время выходит, а денег не собираем. Мы тут же доплатили остаток, чтобы не мучить ребенка. Уж лучше помочь одному двоим, но исчерпывающе, чем десяти, но понемногу. Это моя позиция, и пока я генеральный директор, будет так: нам важнее спасти хотя бы одну жизнь, чем рассказывать в «Ъ» о щедротах компании. Для меня это не маркетинг. Это очень личное. Вот там (показывает пальцем наверх) кто-то есть, кто за вами смотрит. По мне, раз уж возник успех в жизни, надо разделить его с теми, кто нуждается. Со страдающими детьми.

— Почему только с детьми? Много же страдающих взрослых?

Между тем так, как вы, думают многие читатели.

— Их их понимаю, детское здоровье важнее. Вот взрослый, ему 45 и у него такая жизнь, какая есть. А вот трехлетний человек, он вырастет иным, чем мы, лучшим, во всяком случае есть шанс, и надо лишь помочь ему обрести здоровье. А ты знаешь, что денег на всех и времени на все у тебя не хватит. По всему миру дети заслуживают нормальной жизни уже по факту рождения. Но меня всемирный масштаб не очень беспокоит. Мне интересна Россия. Сейчас если есть здоровье, человек все сам себе может создать. Не верю в истории, когда здоровый человек вынужден попрошайничать. Но многие спасительные медтехнологии средней цене не по карману. Убежден, государство должно об этом думать. Но по историческим причинам государство до этого дойдет еще не скоро. Поэтому на помощь должны прийти неравнодушные люди, кому дорога Россия.

— Сейчас объявлен год благотворительности, власти поддерживают, что породило среди фондов и филантропов надежды на возвращение налоговых вычетов, отмененных с 2002 года. Считается, это реально?

— В ближайшие пять-десять лет этого делать нельзя. Общий уровень корпоративной культуры и правосознания таков, что этот источник будет использован криминально. Дело даже не в морали, мы все из советского времени. Кто-то говорит: нельзя воровать — и не ворует. Кто-то говорит: нельзя, но ворует. Это же внутри... Должна быть создана технология финансового учета, при которой все пожертвования станут прозрачными. Почему в Америке это легко? Там есть электронный учет буквально всех финансовых потоков. Поэтому культурологически я считаю, что надо лет десять, операционно — лет пять-семь. Но проблема несколько надуманная, те, кто готов помогать, делают это. Ну представьте, человек получает \$1 млн в год, пожертвовать \$50 тыс., это 5%. То есть его подоходный налог 18%? Не страшно.

— В год благотворительности многие крупные фонды вносят предложения о введении в законодательство понятия фонда с капиталом и соответствующим налогообложением. Реально ли это?

— Реально или нужно? Нужно бесспорно, но нереально, до 2008 года не успеют. Давайте расширим вопрос, сейчас основная проблема — финансовая чистота операций, связанных с налогообложением. То есть необходим Налоговый кодекс прямого действия, для страны эта проблема на порядок важнее прочих. Когда компания знает, что она все заплатила и прибыль у нее остается, то она с удовольствием займется филантропией, потому что налоговый инспектор через пять лет не отнимет все это. В Думе об этом думают, но пока плохо. Вот в налогообложении граждан нет проблем. Все четко и прозрачно. Почему же с предпринимателями такая вакханалия? Что мешает навести порядок? Уровень профессионализма думцев да еще наша правоприменительная практика, она упирается в тот же несовершенный Налоговый кодекс.

Хельсинки примет Алешу Зубова

Алексей Зубов отправится в Финляндию на операцию, скорее всего, в середине апреля. У этого 23-летнего паренька редкая опухоль, лечить которую лучше всего в Хельсинки (см. „Ъ“ от 3 марта). Все необходимое сумму (609 590 руб.) читатели собрали еще неделю назад. Остальные 1 068 786 руб. внесет Росздрав. Однако там закончились лимиты первого квартала на zahraniчное лечение, а финансирование второго квартала обещают открыть не раньше 6 апреля.

У Алешки гигантская, частично тромбированная аневризма средней мозговой артерии диаметром 37 мм. Российские нейрохирурги сошлись во мнении, что для спасения парня лучше всего отправлять в Финляндию, так как у нас нет соответствующего лазерного оборудования. Алеша

Алексей живет ожиданием поездки
ФОТО АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО

прислал в Российский фонд помощи теплое письмо с благодарностью («Спасибо читателям „Ъ“, побольше бы таких газет, кото-

Операция или смерть

Когда Даше Клоковой исполнилось шесть месяцев от роду, врачи сказали, что выбор простой, хотя звучит страшно: операция или смерть

Каждый день у четырехлетней Дашки Клоковой из Волгограда бывают припадки. Становится трудно дышать, тело сводит судорогой, от боли стискиваются зубы, закатываются глаза и выступают слезы. Даша не понимает, отчего ей так больно. У Дашки сложнейший врожденный порок сердца. Четыре операции в России ей не помогли, нужна пятая, в Германии, но очень дорогая. И Дашина мама Тания написала в Российский фонд помощи. Ей больше не на кого надеяться, кроме вас.

Тания рассказывает, как Даша с самого раннего утра готовилась к моему приезду. Она надела лучшее платье и репетировала фразу: «Здравствуйте, дядя журналист! Меня зовут Дарья Михайловна, я люблю молоко и конфеты „Рафаэлло“». Но потом застенялась и села на пол, все еще в лучшем платье, но уже босиком. Она закрыла лицо руками и повторила: «Не выйду я ни к какому дяде журналисту и разговаривать с ним не буду». Так мы и познакомились. Когда девочка изредка отнимала ладошки от лица, было видно, какие у нее неестественно яркие сиреневые губы и желто-коричневые обводки вокруг глаз.

У Дашки врожденный порок сердца, тетрада Фалло, стеноз легочных артерий и гипоплазия правого желудочка. Сердце этой девочки сплошь в трехинка, и эти трехинки не дают ей жить.

Дашина мама Тания, словно не о своей жизни, вспоминает, что Даша была у нее с мужем Михаилом первым и желанным ребенком. Родилась легко, и было целых четыре дня абсолютного счастья, потому что врачи констатировали, что ребенок весом 3400 граммов, ростом 53 сантиметра и здоров. Потом врачи услышали шум в сердце

и после обследования сказали родителям, что у Дашки врожденный порок сердца. Когда Даше исполнилось шесть месяцев, врачи сказали, что выбор простой, хотя звучит страшно: операция или смерть.

— Я не могла в это поверить, — говорит Тания. — Конечно, мы помнили о пороке, но Даша ведь ничем не отличалась от других деток. Вовремя начала ходить, веселая, подвижная. Ну, уставала слишком быстро, может быть, да утолкли губ становились неестественно сиреневыми.

Даше сделали четыре операции в Москве. Родители и родственники заложили и продали все, что можно было продать. Но операции не помогли, стало только хуже. Приступы у Дашки повторяются теперь каждый день. Стоит чуть-чуть перевозбудиться или просто побегать — и начинаются судороги и дрожь, скулы сводит, закатываются глаза. Дыхание становится прерывистым и судорожным. Все это очень больно, Даша плачет от этой боли, хотя Тание иногда кажется, что слышит Даша оттого, что не понимает, почему это с ней происходит.

Недавно она так и спросила у Тани: «Скажи, что со мной?» Тания проплакала всю ночь, а потом решила написать к нам в Российский фонд помощи. Так и написала: «Дорогие друзья, операция в Германии — моя последняя надежда на спасение Дашки Клоковой. Немецкие врачи готовы нас принять немедленно, но операция стоит €72 тыс., а нам платить нечем». У Клоковых остались только подмокания на окраине Волгограда и старый «жигуленок-тройка» во дворе. Дашин папа днем сидит с дочерью, а по вечерам выводит его и зарабатывает какие-то деньги частным извозом. Тания зарабатывает в месяц 3 тыс. рублей. Правда, гово-

рит Тания, месяц должен быть удачный. Она дизайнер на мебельной фабрике.

— Стыдно просить, правда? — вдруг спрашивает она, глядя куда-то мимо меня.

— А не помочь дочери — не стыдно? — отвечаю.

Дашу не взяли ни в ясли, ни в детский сад. Не получится сделать операцию, не возьмут и в школу. Ей нельзя ни играть, ни бегать. Вообще никаких нагрузок. Есть соседская девочка, первоклассница Лена, но ей не сидится с Дашей, ей постоянно хочется на улицу. И Даше хочется, но нельзя. А соседский мальчик Рубен в друзья не годится. «Он не знает, что такое гипотеза», — выпаливает мне Даша, и это звучит как суровый приговор Рубену.

Лучшим другом девочки стал компьютер, который маме выдали, чтобы она могла работать дома. Несмотря на протесты бабушек, Даша самостоятельно его включает, находит нужный ярлык, и вот уже автодром в Майами-Бич заходит в овациях от ее умения водить внедорожник. А самая любимая Дашина игра «Шрек», где сильный герой расправляется с коварными лучшими мышами, препрыгивает через ядовитые болота и отбивает у врагов золотые медалионы. Даше явно нравится этот ловкий парень.

— Дайте мне сюда дядю журналиста! — неожиданно отвлекается от «Шрека» Даша. И мы сидим с ней за компьютером, слушаем записанную на нем музыку, обсуждаем, какой мультфильм лучше купить на DVD — «Мадагаскар» или «Ледниковый период». А мама Тания рядом тихо рассказывает, какое раскаленное волгоградское лето и как она его боится. Потому что совсем непонятно, что будет с Дашиним сердцем в это лето.

АНДРЕЙ КОЗЕНКО

Для спасения Дашки Клоковой не хватает 2 082 220 руб.

Как считает главный детский кардиолог Волгоградской области Галина Кореновская, «Даше Клоковой с ее тетрадой Фалло и стенозом легочных артерий требуется немедленное оперативное лечение: девочку неоднократно оперировали в Институте имени Бакулева, но, к сожалению, улучшения нет. В последнее время состояние Дашки резко ухудшилось. Участились одышечные-соматические приступы, они сопровождаются самопроизвольным мочеиспусканием. Даша все реже сама самостоятельно ходит, все чаще мама носит ее на руках».

Мама Дашки Татьяна Клокова вышла на немецких врачей. Помочь берется Клиника детской кардиохирургии Университета Аахена (Северный Рейн-Вестфалия, ФРГ). Девочке предстоит стационарное обследо-

дование и операция. Немцы выставили счет на €72 тыс. (2 404 685 руб.). В стоимость входит пребывание в клинике «с сопровождающей персоной» 17 суток и полный пансион. Здесь есть русскоязычные менеджеры.

В Российском фонде помощи за все наши неполных десять лет это самая трудная история. Трудная, потому что самая дорогая, просто шоковая цена спасения. Дороже еще не бывало. Обычно наши истории не зашкаливают за \$60 тыс. Похоже трудные был разве что случай с 12-летней Людой Фомичевой из Москвы в 2004 году (см. „Ъ“ от 25 июня 2004 года). Ей требовалось \$101 649 на операцию в Бельгии. Нас выручил один московский банкир, вложив до публикации \$50 тыс. Но тогда после под-

держки нашего партнера «Ингосстраха» (подробности на сайте www.rusfond.ru и этой странице) цена спасения для читательницы опустилась до «привычных и нестрашных» — \$28 646, и вся сумма была собрана.

Дорогие друзья! Клоковым не на кого больше рассчитывать. После вклада «Ингосстраха» в \$11 500 стоимостью спасения в Германии составят 2 082 220 руб. Мы очень боимся оттолкнуть вас этой суммой — и очень рассчитываем на вас. Дорого буквально каждый рубль. Мы открыли Сберкнижку Татьяне Клоковой в московском Сбербанке для рублевых пожертвований. Клиника готова принять переводы от €5 тыс. Все реквизиты и счет есть в фонде.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Из свежей почты

Таня Шашкова, 14 лет, сколиоз 4-й степени, спасет имплантация металлоконструкции. 173 060 руб.

Внимание! Русь-банк внес 75 тыс. руб. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает 98 060 руб.

Сколиоз у меня с шести лет, поэтому я с первого класса в спецшколе. Несмотря на болезнь, занималась балетом. Танцевала — и про все на свете забывала. Победила в городском конкурсе «Терпсихора-2001», мечтала стать балериной. Я боролась с болезнью: плавала, делала гимнастику, массаж, физиотерапию. Но в итоге мне запретили не только танцы, но и плавание. Ужасно, теперь и учусь лежа. Горб уже видно. Я пытаюсь его прятать под одеждой. Как же хочется быть как все, не стесняться своего уродства! Я люблю учиться, стипендия губернаторской премии за отличные успехи. В прошлом году получила премию «За любовь к жизни». Но жить все трудней: голова болит, желудок, легкие. Я слепну. А что дальше? Кем я стану? Врачи говорят, выход один: операция. Но у мамы нет денег (она воспитатель в моей спецшколе). Отец ушел, когда мне было девять лет. Пожалуй-ста, помогите мне! Тания Шашкова, Кемеровская область

Зав. отделениям Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «У Тани груднопоясничный сколиоз с противосколиозным.

Он очень быстро прогрессирует и провоцирует головные боли, нарушение зрения, недоразвитие всех внутренних органов. Надо оперировать немедленно».

Роберт Абдуллин, 12 лет, аномалия развития левого уха, требуется слухопротезирование. 114 451 руб.

Я воспитатель в интернате для слепых, а поскольку зарплата 2,8 тыс. руб., то подрабатываю уборщицей в соседней школе. У меня двое сыновей и отец 84 лет. С мужем в разводе, он безработный и помощи нет. Роберт и Венер — погодки, учатся в одном пятом классе, младший помогает старшему. У Роберта нет левого уха, парез левой половины лица, угол рта тянет вниз. Теперь и на правом ухе тугоухость 4-й степени. С младенчества ходим по больницам. Слуховой аппарат он не носит, потому что в бесплатном не слышит, а хороший купить не на что. Школы для глухих у нас нет, вот и учится в обычной, хотя это очень трудно. Роберт сильный, выносливый, но из-за внешних дефектов и глухоты комплексует. Нам готовы помочь в центре Мулдашева, вот только операция дорогая. Не могли бы вы нас выручить? Пожалуйста, мне больше некого просить. Назима Абдуллина, Башкирия

Зам. директора Центра глазной и пластической хирургии Натан Сельский (Уфа): «На левое ухо мы установим имплантат,

на который крепится миниатюрный слуховой аппарат. Через полгода, когда он сострется с костью, сделаем силиконовый протез ушной раковины. Роберт будет слышать. Сможет нормально учиться, заниматься спортом — жить как все».

Детсад «Колобок», требуются компьютеры, наглядные пособия и сухой бассейн. 198 060 руб.

В перестроечный период наш детсад был закрыт. В прошлом году его восстановили на новом уровне: помимо обычных созданы группы для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и слабослышащих. У нас 108 детей от полутора до семи лет. Это единственный в городе детсад с широким спектром специализированной помощи. Спецшколы у нас нет, и мы стараемся подготовить больных малышей к обычной школе. Чтобы применять уникальные коррекционно-образовательные программы, нам очень нужны компьютеры. Острая нужда в наглядных пособиях. Для детей с ДШП, плоскостопием, сколиозами и парезами нужен сухой бассейн. Он развивает моторику и координацию движений, благотворно влияет на развитие интеллекта. Не хватает обычных игрушек и развивающих игр. Администрация города помочь не может, а зарплата наших педагогов ниже прожиточного минимума. Зав. детсадом «Колобок» Ирина Мозговкина, Псковская область

Начальник группирования образования Александр Шулаев: «Гарантирую в течение 30 дней с момента поступления благотворительной помощи для «Колобка» выкупить и установить компьютеры, обучающие программы, дидактический материал и оздоровительное оборудование. Нужда в них и впрямь большая».

Артур Кочергин, 7 лет, черепно-мозговая травма, требуется ряд операций. 112 тыс. руб.

Я долго не могла иметь детей. И вот родился сын! Правда, вне брака, отец не признал ребенка. Но я была счастлива. Пока я на работе (маникюршей получаю 4,5 тыс. руб.), мама водит малыша на занятия. Однажды Артура сильно ударили качелями. С черепно-мозговой травмой сын попал в реанимацию. Повреждена переносица и лобная кость. Правый глаз ампутирован. Протез ставили, но глаз не открывался, орбита маленькая, да еще этот ужасный шрам тянет нос с правой стороны. Оперировали в клинике Федорова, да безуспешно. Мальчик стал бояться людей. Мы поехали к профессору Рогинскому, он готов откорректировать дефекты лица и восстановить глазное яблоко. Но где мне оплатить такое лечение? Деньги на самолет дает горздрав. Молю Бога, чтобы моя просьба дошла до добрых людей. Олеся Кочергина, Хабаровский край

Руководитель Центра детской челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «У Артура после сочетанной травмы удалено глазное яблоко, возникли рубцовые деформации мягких тканей. Необходим ряд реконструктивно-пластических операций, но целесообразно делать это как можно скорей».

Ваня Прохоров, 5 лет, детский церебральный паралич, спастика, требуется курсовое лечение. 150 400 руб.

Ваня родился недоношенным, на 27-й неделе. До сих пор сидит он лишь у опоры, ручки не действуют. Ваня очень хочет вылезаться: каждый день делает болезненную гимнастику, пьет лекарства и еще напоминает, чтобы не забыли про укол. «Мама, почему ты ходишь, а я нет?» — нет сил это слышать. Мы много лечились, но эффект невелик: в 4,5 года Ваня начал ползать — и только. А вот в Институте медтехнологий дают хороший прогноз. Но лечение платное, и нужно десять курсов. Я учительница, из-за Вани не работаю, спешадика в округе нет. А тут еще муж ушел, алиментов не платит. Я невольно повторила мамину судьбу: когда выяснилось, что моя младшая сестра серьезно больна, отец тоже бросил нас. Мама 19 лет за ней ухаживает, не работает и помогать мне не может. Живем с Ванечкой на его пенсию, 500 руб. отдаем за квартиру (совместить двух больных не удалось, пришлось нам уйти). Поверьте, когда бы не крайняя нужда, просить не стала. Юлия Прохорова, Смоленская область

Зам. директора Института медтехнологий Ольга Рымарева: «У Вани еще и частичная атрофия зрительного нерва. Но восприимчивость сформировано, развиты память и речь. Хоть и поздно они к нам обратились, перспективы неплохие».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“, журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше \$9,9 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru
Телефоны: (495) 943-9135, 158-6904 с 11.00 до 21.00

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».